

Лу Силэ и скучающая Чжэн Тун разговорились, и беседа их длилась до тех пор, пока тот самый дяденька в фуражке не принес несколько мисок лапши. Малышка тут же забыла о разговоре с Чжэн Тун, вскарабкалась на высокий стул, припала к столу и обхватила миску обеими руками.

Несмотря на маленький рост, девчушка оказалась на редкость прожорливой: огромную порцию лапши вместе с бульоном она умяла за обе щеки, только и слышно было, как прихлебывает. Лу Пиньянь даже испугался, как бы она не объелась, но малышке хоть бы что — лишь пару раз довольно икнула.

После еды Чжун Юэминя, Чжэн Тун и остальных отпустили, а Лу Пиньяня с Лу Силэ отвели в дежурную часть на ночлег.

В отделении они провели три дня. Кормили их досыта, а Лу Пиньянь еще и подкармливал сестренку гостинцами, чтобы та окрепла, так что лицо у девочки заметно порозовело. Наконец, когда стражи порядка получили известие, что все формальности после смерти самозванного Лу Силэ улажены, брата и сестру отправили обратно в их сыхэюань.

Сотрудники Уличного комитета тоже заглянули к ним. Ничего не сказали, но их настрой был ясен: они пришли поддержать сирот. Родственники из семьи Лу, которые изначально собирались устроить скандал, увидев решительный вид работников комитета, тут же притихли.

Оказавшись в пустой комнате, Лу Пиньянь и Лу Силэ приуныли. В доме — ни мебели, лишь голые доски вместо кроватей, ни печки для обогрева, даже одеяла, чтобы укрыться ночью, не было. Делать нечего, пришлось идти на рынок. Как минимум нужны печка и постельные принадлежности.

В вопросах покупок младшая сестренка Чуньни была куда опытнее — обычно именно она таскала домой все тяжести. Она отвела Лу Пиньяня в комиссионный магазин. Там продавали всякий скарб: от кастрюль и поварешек до велосипедов, радиоприемников и даже антиквариата.

Купив подержанную угольную печку и кое-какую утварь, они не стали нанимать тележку, а, взвалив все на спины, побрели домой. У самого входа в сыхэюань их уже поджидал Янь Бугуй, известный как Второй дядя, а в прошлом — Третий. Похоже, слухи о том, что этот тип не пропустит мимо себя даже тележку с навозом, не пытаясь урвать хоть клочок, были правдой.

— Ой-ой, вы что, решили жить отдельно? Столько всего накупили! Давайте-ка, Второй дядя поможет вам донести, — проговорил он и потянулся к поклаже в руках Чуньни.

Малышка, уже знавшая его повадки, ловко увернулась:

— Ничего, Второй дядя, я сама донесу. Вы весь день уроки вели, небось устали, отдохните лучше!

Эта фраза вогнала Янь Бугуя в тоску. В нынешние времена кто вообще учится всерьез? Учителей ссылают, ученики только и знают, что лозунги писать да кричать, многие и вовсе в школу не ходят. Сам Янь Бугуй держался только благодаря хорошему происхождению, но и он в школу соваться боялся. От нечего делать ездил на рыбалку, а потом караулил у ворот, надеясь пожить чем-нибудь. Какие там уроки?

Янь Бугуй понурил голову, но привычка поучать взяла свое:

— Не в обиду будь сказано, но вели бы вы себя как подобает младшим. Разве можно делить дом, пока живы старшие? Посмотрим, на сколько вас, неразумных, хватит. Как бы с голоду не померли, ха-ха-ха...

— Не беспокойтесь, дедушка. Это не мы, а Уличный комитет решил нас отселить, потому что на то, что творилось, смотреть было невозможно. Вас что, при этом не было?

Поняв, что с языкастой девчонкой каши не сваришь, Янь Бугуй переключился на Лу Пиньяня. Но тот тащил на спине циновку, тюфяк, перевязанный веревкой, и прижимал к груди старую печку — пожить было решительно нечем. И тут Янь Бугуй выдернул из связки соломинку, отломил кусочек и стал ковырять им в ухе. От этого виртуозного жеста Лу Пиньянь чуть не рухнул в обморок.

Ну ты даешь, Третий дядя Янь Бугуй! Похоже, жадность у тебя в крови, даже если ради нее приходится грызть солому.

Вернувшись в комнату, они разложили вещи и снова вышли. Нужно было купить еду, питье и уголь. Лу Пиньянь хотел было сказать сестре, что не стоит тратиться — скоро им все равно возвращаться на Северо-Восток, — но осекся: в конце концов, это теперь их дом, все равно придется обустриваться.

Чуньни, полная энергии и хозяйственности, выпросила у соседа тележку, и они отправились на угольный склад, а затем — в зерновую лавку и на рынок. Купили зерно, батат, масло, овощи, а в государственном магазине — соль, соевый соус, спички и термос. Увидев, как Лу Пиньянь с любопытством разглядывает банку с леденцами, малышка со вздохом купила несколько штук и сунула ему в карман.

— Только по одной за раз, понял? Не вздумай все сразу съесть!

Увидев изумление на лице брата, девочка решила, что он просто очень счастлив, и, гордая собой, потащила его, нагруженного мешками, к выходу.

Поблагодарив тетушку, присматривавшую за велосипедами, Чуньни погрузила мешки на тележку, и они вдвоем, один толкая, другой подтягивая, быстро вернулись в сыхэюань. Овощи на морозе долго не простоят, поэтому они быстро перетаскали все в комнату, а уголь аккуратно сложили под навесом.

Лу Силэ стояла посреди комнаты, осматривая плоды их трудов, и довольно улыбалась.

— Брат, иди помоги растопить печку, пора готовить.

— Хорошо!

Малышка принесла сухих листьев и два использованных угольных брикета, вручила Лу Пиньяню ржавый топорик, чтобы тот нарубил щепок из найденной где-то коряги, и открыла крышку печки. Сухие листья вспыхнули, и, когда огонь разгорелся, Чуньни щипцами положила внутрь угольный брикет, начиная яростно махать старым рваным веером. Вскоре уголь покраснел. Она вытащила его, подложила снизу отработанные брикеты, и печка заработала.

Все движения девочки были четкими и отточенными — сразу видно, привыкла к труду. Если бы этим пришлось заниматься Лу Пиньяню, он бы лучше выменял готовый уголек у соседей, чем возиться с розжигом.

На ужин была каша из кукурузной муки с нарезанным бататом и салат из редьки с солью и уксусом. Пусть еда была простой, Лу Пиньянь ел с удовольствием — после тяжелого дня он порядком проголодался.

Зимний день короток, и вскоре после ужина совсем стемнело. Брат с сестрой легли спать. Малышка быстро уснула, а Лу Пиньянь ворочался: они забыли купить подушку, и без привычного изголовья ему было неудобно. Он попытался подложить под голову ватник, но тот оказался слишком жестким.

Шаря в складках одежды, он нащупал свой нефритовый кулон. Он и не помнил, когда успел положить его в карман, а тот, видимо, провалился через дырку в подкладке. Лу Пиньянь снова лег, подложив руку под голову, и стал машинально вертеть кулон в пальцах. Прошел уже месяц, как он оказался в этой эпохе, но привыкнуть так и не смог. Не хватало смартфона, вкусной еды, удобств... Словно при ломке курильщика, все тело зудело от дискомфорта.

— Эх, попал в мир без системы, вот же тоска. Вернуться бы в наше время.

В этот момент перед глазами Лу Пиньяня вспыхнул свет. Возник портал, и неведомая сила потянула его внутрь. Он инстинктивно вцепился в то, что было под рукой, и в следующее мгновение вместе с ватником исчез в сиянии.

<http://bllate.org/book/18528/1782172>